

АЛЛА БОРИСОВНА ЛИХАЧЕВА

Вильнюсский университет (Литва)

О некоторых ценностях и антиценностях в русской и литовской коммуникативных культурах

В работе рассматриваются некоторые ценностные установки русской и литовской коммуникативных культур и анализируются противоположные в аксиологическом плане коммуникативные проявления внутри каждой из сопоставляемых культур. Расхождения между рефлексивными (воспринимаемыми как нормативные) и бытийными (отражающими то, что в общении есть на самом деле) категориями объективируют противостояние ценностей и антиценностей в каждой из коммуникативных культур. Изучение и сопоставление обеих культур показывает, что рефлексивно у их представителей присутствует стремление к *другому* типу поведения. Однако бытийно в обеих культурах наблюдается нарушение этих стремлений и воспроизведение привычных моделей поведения.

Ключевые слова: русская коммуникативная культура, литовская коммуникативная культура, коммуникативные категории, коммуникативные ценности, коммуникативные антиценности.

При сопоставлении национальных коммуникативных культур целесообразно обращение к понятию “коммуникативные категории”, каждая из которых представляет собой свойственное конкретной культуре или типу культур сочетание содержательного (включающего знания об общении) и прескрипционного (включающего предписания, запреты и объяснения правил общения) аспектов [Стернин 2002]. Так, *молчание* как коммуникативная категория в так называемых полиактивных культурах, к которым, среди прочих, относятся русская и литовская¹, интерпретируется как неловкость и коммуникативный сбой, требующий скорейшего преодоления. В то же время в реактивных культурах (финская, японская и др.) молчание воспринимается противоположным образом – как необходимый элемент вдумчивого общения [Льюис 2001, 73–76; Куликова 2006, 191–192; см. также Триандис 2007; Ting-Toomey 1999].

Описание коммуникативных категорий может быть осуществлено на рефлексивном и бытийном уровнях [Стернин 2002]. Первый отражает

представление о коммуникативной норме, о том, как правильно себя вести в условиях конкретной культуры. Второй связан с коммуникативной практикой: не “как надо”, а “как на самом деле делают”, напр.: *обманывать нельзя, но в жизни без этого не обойтись* (подробнее см. [Прохоров, Стернин 2006, 96–99; Стернин 2002]). Некоторые коммуникативные категории могут быть рассмотрены также и на духовном уровне, что свидетельствует о степени важности категории для духовной культуры народа, о принадлежности этой категории к национальным ценностям [Прохоров, Стернин 2006, 36]. Именно ценности являются основанием для исследователей при выделении различных типов культур. Будучи имманентными характеристиками культуры, ценности являются высшим ориентиром поведения для носителей этих культур [Карасик 2004, 140], при этом в наивном сознании ценностные установки могут оставаться невербализованными или же присутствовать опосредованно — в виде негативных мнений или оценочных суждений, порицающих те или иные коммуникативные проявления, т. е. квалифицирующих их как антиценности.

В данной статье рассматриваются некоторые русские и литовские ценностные коммуникативные установки, выделяемые или отмечаемые в научном и медийном дискурсах обеих стран.

I. По мнению российского исследователя В.В. Дементьева, важнейшей для русских коммуникативной ценностью, благодаря которой в русской культуре реализуется неуниверсальная, безэквивалентная для большинства культур оценочность, является *персональность*: “В русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком” [Дементьев 2013, 83–86]. Оппозиция персональность — отсутствие персональности очень точно фиксируется в языковых единицах: например, во фразеологизме *не в службу, а в дружбу*; в таких важных для русской культуры антонимах, как *правда — истина, душа — разум; друг — партнер, сотрудник*; или в производных от одного из ключевых слов русской культуры *душа: душевный — бездушный* [там же, 116].

Важность для русского коммуникативного сознания оппозиции *личного (персонального, неофициального) и неличного (официального, ритуального, а также светского)* типов общения отмечают и авторы других работ. Так, согласно исследованиям И.А. Стернина, *неофициальное* общение считается эффективным, искренним, желанным, “насто-

ящим”, а *официальное* и *светское* имеют негативный оценочный знак и рассматриваются как малоэффективные виды общения, как суррогат настоящего общения [Стернин 2002, 13]. Безусловными и общепризнанными ценностями русской коммуникативной культуры являются категории *общение*, *разговор по душам* и сопровождающие их *искренность* и *эмоциональность* [Ларина 2009; Леонтович 2005; Стернин 2004а], причем “сдержанность при выражении эмоций в русском обществе скорее осуждается, расценивается как лицемерие, скрытность, нежелание поделиться своими проблемами” [Жельвис 2012]. Вместе с тем российскими исследователями отмечаются и существенные ценностные перемены в современном русском коммуникативном сознании, обусловленные меняющимся ритмом и стилем жизни, вследствие чего разговор по душам в нынешней российской коммуникативной практике воспринимается неоднозначно — как культурно поддерживаемый, но социально непрестижный жанр общения [Дементьев 2013, 166]. “Узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений в современной России стала фраза «А кому сейчас легко?», — пишет В.И. Карасик. — Это высказывание фигурирует в диалоге, первая часть которого — это явное или завуалированное выражение потребности в сочувствии. Это выражение может быть различным, но оно безусловно предполагает получение сочувствия — вербального или невербального, в виде поддерживающей улыбки, утешения, подбадривания. Приведенная фраза резко диссонирует с таким ожидаемым коммуникативным ходом и может быть проинтерпретирована следующим образом: 1) ты не должен жаловаться на жизнь; 2) потому что всем плохо; 3) выставлять напоказ свою слабость стыдно; 4) я не хочу тебе сочувствовать; 5) я выражаю свое нежелание помогать тебе в насмешливой форме. Общий вывод — нужно самому справляться с собственными трудностями — соответствует нормам индивидуалистического поведения” [Карасик 2004, 35–36], что противоречит коллективистскому характеру русской культуры. Об этом же пишет В.В. Дементьев, отмечающий новое значение глагола *грузить* в современной русской разговорной речи — “навязчиво сообщать что-л. ненужное или неприятное, озабочивать какими-л. проблемами” [Дементьев 2013, 144].

Подобное нежелание вникать в проблемы другого человека (причем, явно встреченного не впервые, а скорее — соседа, близкого знакомого, возможно, родственника) противоречит автостереотипу русских как людей открытых, с широкой душой, отзывчивых, всегда помогающих друг другу [Леонтович 2005, 244].

К числу национальных духовных ценностей также относятся *русское гостеприимство, хлебосольство, радушие*, противостоящие в коммуникативной практике *несоблюдению коммуникативной дистанции, конфликтности, грубости*. При этом грубость ни в коей мере не поощряется русской коммуникативной культурой и на рефлексивном уровне имеет в русском сознании отрицательную оценку, однако в реальном общении эта установка легко забывается: грубая речь воспринимается как “вынужденная и допустимая мера воздействия — *довели меня*” [Стернин 2004а, 13]. Кроме того, для русских характерна и так называемая “панибратская грубость”, помогающая собеседникам сократить дистанцию: “Здесь, естественно, нет речи о том, чтобы фрустрировать собеседника или испугать его, угрожать и т.п. Дружеский характер сказанного здесь обычно подчеркивается шутливым тоном” [Жельвис 2012].

Такие противоречивые черты русских обескураживают представителей западных коммуникативных культур. Во-первых, носители этих культур не принимают и не понимают специфики русской искренности и отсутствия традиции сохранять формальную доброжелательность со всеми, что “дает возможность иностранцу безошибочно определять отношения русских друг к другу и к иностранцам: если кто-то из ваших коллег стал вас не любить, вам не составит труда это заметить” [Стернин 2004а, 12]. Дементьев [2013, 254] также пишет об отмечаемой представителями западных культур агрессивности в русском общении. Иностранцам непонятно, что у русских обращение к «грубым словам» может быть продиктовано дружескими чувствами, а неприветливая или агрессивная тональность общения в принципе может быть обусловлена негативным отношением к жизни в целом, а не к собеседнику. В связи с этим показательно, что в международных индексах гостеприимства и доброжелательности Россия находится на довольно низких позициях. “Мы занимаем в рейтинге 131-ю строку по степени дружелюбности местного населения к иностранным туристам. Это третье место с конца”, — отмечает Тарасевич [2009] и добавляет: “Это как-то не очень вяжется с мифом об исконном русском гостеприимстве”. При этом русский комплиментарный автостереотип остается вполне устойчивым, об этом свидетельствуют выводы международной компании, производящей в разных странах социологические опросы о предпочтительном туристическом климате: “38 процентов опрошенных россиян уверены в том, что иностранцам будет комфортно в России”; у иностранцев, однако, другое мнение: так, “турки и китайцы отдали русским 9 процентов голосов, англоязычные и скандинавские страны — один про-

цент. Итальянцы и испанцы — 2 процента. Максимум голосовавших признали самыми гостеприимными как раз Испанию, Италию и США” [Фанайлова 2015].

В отличие от традиционно положительно оцениваемых категорий, к еще только формирующимся ценностным категориям русской коммуникативной культуры может быть отнесена категория *толерантности*. Согласно исследованиям, “концепт *толерантность* в русском национальном сознании в настоящее время находится пока еще на рефлексивном уровне сознания образованной и либерально-демократически ориентированной части народа и не воспринят еще массовым сознанием. В российском обществе на бытийном уровне наблюдается непонимание слова и концепта *толерантность*, ощущается тенденция неприятия самого слова *толерантность*” [Стернин 2004b, 149]. Очевидно, укорененности универсальных параметров толерантности (антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность²) в русской коммуникативной культуре мешает тесное переплетение таких проявлений, как агрессивность, бескомпромиссность, конфликтность, с одной стороны, и высокая общительность, открытость, эмоциональность — с другой.

II. Переходя к анализу ценностных аспектов литовского общения, необходимо отметить, что, если различные черты русской коммуникативной культуры в последние годы оказываются в центре активного внимания ученых, в Литве исследователей больше интересует проблема описания литовского национального характера, идентичности, менталитета. Однако, с точки зрения социальных психологов, именно особенности национального характера народа регламентируют нормы его вербальной и невербальной коммуникации [Залюбовская 2003, 244]. По мнению философов, “в национальном характере аккумулируются человеческие ценности, которые в чистом виде ни один исследователь не может нащупать, не может прикоснуться к ним, — они проявляются в виде конкретных чувств, в оформлении мыслей и особенно в поведении, деятельности” [Grigas 2002, 10]. Таким образом, говоря о феномене национального характера, мы одновременно говорим и о национальной коммуникативной культуре или национальном коммуникативном поведении.

В рассуждениях литовцев об идеальном национальном характере ключевыми являются понятия *нравственность*, *мораль* (*dorovė, moralė*) [Papurėlytė-Klovienė 2009]. В общении это должно проявляться в соблюдении определенных, одобряемых обществом, норм и приличий. Например, литовка из семьи эмигрантов, с десятилетнего возраста

живущая в Америке, рассказывает в радиоинтервью, что с детства слышала от родителей разные варианты одного и того же наставления: “Ты литовка, поэтому должна вести себя образцово... Ты должна быть образцовой... Твое поведение должно быть образцовым” (*Tu esi lietuvaitė, tad turi elgtis pavyzdinai... Tu turi būti pavyzdinga... Tavo elgesys turi būti pavyzdingas*) [Lietuvos radijas 2004]. В статье “Laughing and Dancing in New York and Vilnius” (“Смеясь и танцую в Нью-Йорке и в Вильнюсе”) преподаватель Вильнюсского университета, американец Вильям Пэйн (W. Payne) пишет о том, что, если для американцев индивидуализм и отсутствие конформизма есть норма жизни, литовская норма жизни предполагает обратное: “[3]десь люди часто ощущают сковывающее давление: надо не привлекать к себе внимания и вести себя в точности так, как все вокруг. Трудно установить, в чем корни этого явления, следы ли это литовского деревенского быта или советского коллективизма. Как бы там ни было, но никогда в жизни мне не указывали, как я должен ходить, жевать, одеваться, зевать и даже дышать, — так, как меня наставляли в Вильнюсе. Почти каждое утро, собираясь в Вильнюсский университет на работу, я слышал высказывания: «Ты что, с ума сошел? Ты что, хочешь, чтобы над тобой смеялись? В Литве так не одеваются!» Сначала я воспринимал это как идиосинкразию моей литовской подруги, вероятно, обладавшей хорошим вкусом. Но она утверждала, что «делать, как все» есть часть понятия «быть литовцем» [Payne 2007: 74–75].

Отмеченные здесь культурные особенности касаются не только литовцев, но и русских, для которых, возможно, в несколько меньшей степени, но все же характерна постоянная оглядка на то, что скажут или подумают о них другие [Сергеева 2006: 83]³. С этими чертами обеих коммуникативных культур связано и наличие в них речевого акта замечания, а его частотность позволяет квалифицировать как литовское, так и русское общение как регулятивные, в то время как в американском коммуникативном поведении речевой акт замечания практически не представлен; то же можно сказать и о непрошенных советах [Шилихина 1999; 2004]. Однако по сравнению с безапелляционностью русского *судейского комплекса* (термин К. Касьяновой) и прямой регулятивностью в русском общении [Шилихина 2004] литовская регулятивность как отражение *литовского морализаторства*, или *праведничества* (*lietuviškas teisuoliškumas*) [Paparėlytė-Klovienė 2009, 251]) имеет свои особенности. В литовской коммуникативной культуре актуальные для литовцев представления о соблюдении приличий способствуют определенной поведенческой самоцензуре и *косвенной регулятивности*, с соблюдением большей *сдержан-*

ности (*santūrumas*) — самой заметной при сравнении с русским общением коммуникативной установкой литовцев [см. Papurėlytė-Klovienė 2009, Паужа 2007 и др.]. Не случайно *литовская сдержанность* как устойчивая, но неоднозначно оцениваемая национальная характеристика постоянно упоминается в медийных публикациях, напр.: “Литовская сдержанность — против итальянского темперамента” (“Lietuviškas santūrumas — prieš itališką temperamentą”) — о проигрыше литовских танцоров в конкурсе по спортивным танцам [kauno.diena.lt]; “Спокойствие и сдержанность — литовский стиль” (“Ramybė ir santūrumas — lietuviškas stilius”) [jurgosblogas.lt]; “Амбиции расширения бизнеса в Литве — по-литовски сдержанные” (“Lietuvos verslo plėtros ambicijos — lietuviškai santūrios”) [Spinter tyrimai 2016] и т. п.

В интернет-опросах и в социологических исследованиях национальной идентичности литовцы называют и такие коммуникативно значимые черты национального характера, как *гостеприимство* (*svetingumas*), *уверенность в себе* (*pasitikėjimas savimi*), *постоянство* (*pastovumas*), они также считают себя *деловыми* (*verslumai*), *веселыми* (*linksmumas*) [Spinter tyrimai 2005; Taljūnaitė 2006, 13]. Интересно, однако, что последнее качество — так же, как и названные в опросах *умение радоваться жизни* (*mokėjimas džiaugtis gyvenimu*) и *доброжелательность к другим людям* (*geranoriškumas kitų žmonių atžvilgiu*), в современных текстах никогда не сопровождаются определением ‘литовский, -ая’ [об этом: Papurėlytė-Klovienė 2009, 250]. В качестве отрицательных черт часто упоминаются *упрямство* (*užsispyrimas*), *слишком большая доза пессимизма* (*per didelė pesimizmo dozė*). Журналистка Лайма Лавасте назвала одну из глав своей иронической книги-инструкции “Мы. Литовцы: учебник, как понимать литовцев и пользоваться ими” (“Mes. Lietuviai: vadovėlis, kaip suprasti lietuvius ir jais naudotis”) “Рожденные быть несчастными” (“Gimę būti nelaimingi”) [Lavaste 2012, 146–147]. В статье под названием “Ты счастлив? Конечно, нет. Ведь ты — литовец” (“Ar Tu laimingas? Aišku, kad ne. Juk Tu – Lietuvis”) также с сожалением констатируется, что в мире литовцы воспринимаются как грустные, всегда чем-то недовольные, завистливые (*pasaulis jau žino, kad lietuviai yra liūdni, nuolat kažkuo nepatenkinti, pavydūs*) [Šimtininkaitė 2012].

Именно *завистливость* литовцы считают наиболее неприятной характерной для них чертой (см., напр., интервью с поэтом Томасом Венцловой [Laučius 2007], с писательницей Р. Шерелите [Šerelytė 2006 и др.]). “Зависть для нас, литовцев, — пишет Л. Лавасте, — это двигатель, толкающий нас вперед, заставляющий постоянно бдительно отслеживать ситуацию вокруг и хотя бы на время забывать о своих

бедах...” (*Pavydas yra mūsų, lietuvių, variklis, stumiantis mus į priekį, verčiantis nuolat budriai stebėti situaciją aplinkui ir nors trumpam pamiršti savo bėdas...*) [Lavaste 2012, 143–144]. Ср. также автохарактеристики литовцев в интернет-публикациях, ориентированных на иностранцев, напр.: “Литовцы грустно, если у соседа все хорошо” (*Lietuviui liūdna, kai kaimynui sekasi*); “Литовская поговорка «Друг познается в беде» на самом деле означает, что настоящей друг должен быть в беде” (*Lietuviška patarlė „Draugą nelaimėje pažinsi“ iš tikrųjų reiškia, kad tikras draugas turėtų būti nelaimėje*) [Žinynėlis nepažįstantiems lietuvių] и т. п. При этом следует отметить, что восприятие литовцами завистливости как безусловной коммуникативной антиценности странным образом сосуществует с активной апелляцией к этой черте национального характера в рекламном дискурсе. Вот примеры заголовков интернет-объявлений: “Как удобрять огурцы, чтобы урожаю и сосед позавидовал” (“*Kaip tręšti agurkus, kad derliaus ir kaimynas pavydėtų*”) [manonamai.lt]; “Необычный день рождения со столичной баскетбольной школой, которому позавидуют все гости” (“*Kitoks gimtadienis su SKM, kurio pavydės visi svečiai*”) [skm.lt] — о возможности необычно и в спортивном духе отметить день рождения ребенка; “Какому вашему летнему семейному уик-энду позавидовали бы друзья?” (“*Kokio vasaros savaitgalio su šeima Jums pavydėtų draugai?*”) [saviugdосmokykla.lt] — поразительно, что здесь идея зависти используется в рекламе школой самосовершенствования, и т. п.

Можно предположить, что чувства зависти у литовцев возникает вследствие осознания проницаемости персональных границ, как реакция на “покушение” на их личную зону психологического комфорта, что, естественно, крайне отрицательно воспринимается представителями во многом индивидуалистической культуры. Литовская коммуникативная культура в данном случае тяготеет к западноевропейскому стандарту и к соблюдению принципа личной автономии. Для литовцев важно соблюдение и защита границ “своего” пространства [об этом: Zavjalova, Ružakova 2004, 26]. *Закрытость* считают своим наиболее типичным качеством 38,5% опрошенных литовцев [Žakaitis 2011, 38], с чем связаны и *подозрительность* литовцев, и *трудности в установлении глубоких дружеских связей* [Kairiūnaitė 2015].

Исследование, посвященное стереотипному представлению у жителей шести сопредельных с Россией стран, в том числе Литвы, о себе, своих соотечественниках и русских демонстрирует парадоксальное, на первый взгляд, явление: в оценках литовцев “типичный” представитель их этнической группы выглядит хуже, чем они сами в самооценках. При

этом, оценивая самих себя выше, чем своих соотечественников, литовцы по некоторым показателям как бы ориентируются на рейтинг, определенный ими же для русских: так, по признаку *экстравертированность* (*extraversion*) “типичный” литовец оценивается в 46,78 баллов (в работе используется международная шкала, о которой подробнее см. в [Realo, Allik, Lõnnqvist и др. 2009]), в то время как собственную экстравертированность респонденты оценивают в 53,24, а экстравертированность “типичного” русского — в 51,84 баллов. Признак *открытость* (*openness*) в оценках литовцев в целом — 47,50, в автооценках — 49,37, в оценках русских — 48,23⁴. Признак *легкость/приятность в общении* (*agreeableness*), соответственно — 45,87, 46,93 и 46,51 [там же, 238]. Кроме того, литовцы считают себя *более несчастливыми* (*distressed*) и *менее адаптивными* (*maladjusted*) по сравнению с “типичными” русскими [там же, 245]. В целом результаты исследования позволяют говорить об определенном влиянии доминирующей соседней нации на существующие национальные автостереотипы [там же, 246].

Заключение

Наиболее типичные причины несоответствия желаемого и реального поведения хорошо разъяснены американским антропологом Дж. Мёрдоком: “Групповые привычки, составляющие культуру, в значительной степени концептуализированы (или вербализированы) как идеальные нормы, или паттерны поведения. <...> Эти идеальные нормы не следует путать с действительным поведением. В каждом отдельном случае поведение индивида является реакцией на текущее состояние его организма (внутренние побуждения) и восприятие той целостной ситуации, в которой он находится. <...> поведение не следует автоматически за культурой и последняя является лишь одним из определяющих его факторов” [Мёрдок 1997, 51].

Изучение русской и литовской коммуникативных культур показывает, что рефлексивно у их представителей присутствует стремление к другому типу поведения: у русских — к коммуникативной умеренности и толерантности, у литовцев — к большей открытости и коммуникативному оптимизму. Однако в коммуникативном поведении и в типичных речевых высказываниях в обеих культурах наблюдается нарушение этих стремлений и устойчивое воспроизведение привычных моделей поведения, поскольку для стабильной реализации желаемых коммуникативных норм требуются не только изменения глубинных черт национальных характеров, но и обстоятельств их формирования.

Можно предположить, что такие серьезные расхождения между рефлексивными и бытийными коммуникативными категориями возможны в первую очередь в социумах, претерпевших многочисленные социокультурные трансформации, оказывавшие влияние, в частности, на ценностные установки носителей этих национальных коммуникативных культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О том, что литовцы могут быть отнесены к представителям полиактивных культур (*daugiaplaniai*), см. [Grigas 2002, 11].

² Неимпозитивность – это вежливость дистанцирования (Т. Ларина), стремление не навязывать собеседнику себя, свое общество, свои мнения, не вмешиваться в его дела. Это одна из важнейших прескрипций, образующих категорию толерантности (об этом [Стернин 2004b]).

³ Ср. также ценностные установки английской культуры “Следует вести себя умно” и русской – “Следует вести себя красиво” [Карасик 2004, 172].

⁴ В работах литовских лингвистов также отмечается, что именно с русскими в литовском сознании связывается корреляция между открытостью, искренностью и эмоциональностью: “Открытость неотделима от эмоциональности и искренности, которые в литовской языковой картине мира приписываются русскому национальному характеру” (*Atvirumas neatsiejamas nuo emocionalumo ir nuoširdumo, kurie lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje taip pat priskiriami rusų nacionaliniam charakteriui*) [Papurėlytė-Klovienė 2010].

ЛИТЕРАТУРА

- Дементьев В., 2013: *Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике*. Москва.
- Жельвис В., 2012: «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения, in *Жанры речи*. Вып. 8: *Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество*. Саратов; Москва. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-8> (26 02 2017).
- Залюбовская Е., 2003: Национальные различия в невербальной коммуникации, in *Этническая психология*. Санкт-Петербург, 243–248.
- Карасик В., 2004: *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва.
- Куликова Л., 2006: *Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме*. Красноярск.
- Ларина Т., 2009: *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва.
- Леонтович О., 2005: *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. Москва.

- Льюис Р. Д., 2001: *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию* (1996). Пер. с англ. Москва.
- Мёрдок Дж. П., 1997: Фундаментальные характеристики культуры. Пер. с англ., in *Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретация культуры*. Санкт-Петербург, 49–57.
- Прохоров Ю., Стернин И., 2006: *Русские: коммуникативное поведение*. Москва.
- Сергеева А., 2006: *Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность*. Москва.
- Стернин И., 2004а: Основные особенности русской коммуникативной культуры, in *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet*. Варшава, 32–55.
- Стернин И. 2004б: Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании, in *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*. Коллективная монография. Екатеринбург, 130–149.
- Стернин И., 2002: Русское коммуникативное сознание, in *Коммуникативное поведение*. Вып. 3: *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж, 5–13.
- Тарасевич Г., 2009: Рейтинг гостеприимства, *Русский репортер*. URL: http://www.rusrep.ru/2009/12/news_turizm/ (22 02 2017).
- Триандис Г. 2007: *Культура и социальное поведение*. Пер. с англ. Москва.
- Фанайлова Е., 2015: Приключения иностранцев в России, *Радио Свобода*. URL: <http://www.svoboda.org/a/27019461.html> (24 02 2017).
- Шилихина К., 2004: Коммуникативная интолерантность в русском общении, in *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*. Коллективная монография. Екатеринбург, 265–272.
- Шилихина К., 1999: *Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Grigas R., 2002: Šiuolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai. Problemos apibrėžtis (Sociosofinė kritinė apžvalga), *Filosofija. Sociologija*. № 4, 9–14.
- Kairiūnaitė A., 2015: *Lietuviams nebūdingas draugiškumas avansu*. URL: <http://psichika.eu/blog/lietuviams-nebudingas-draugiskumas-avansu/>. (25 02 2017).
- Laučius V., 2007: *T. Venclova: "Lietuviams trūksta bajoriško tvirtumo"*. URL: <http://www.delfi.lt/news/ringas/lit/tvenclova-lietuviams-truksta-bajorisko-tvirtumo.d?id=13930573>. (25 02 2017).
- Lavaste L, 2012: *Mes. Lietuviai: vadovėlis, kaip suprasti lietuvius ir jais naudotis*. Vilnius.
- Payne W., 2007: Laughing and Dancing in New York and Vilnius, *Baltic Outlook*, October/November, 72–76.
- Papaurėlytė-Klovienė S., 2010: Kaimyninių šalių atstovai ir jų nacionalinio charakterio specifika lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje, *Lietuvių kalba*, № 4. URL: <http://www.lietuviukalba.lt/index.php/lietuviu-kalba/article/view/27>. (20 02 2017).
- Papaurėlytė-Klovienė S., 2009: Lietuvių nacionalinis charakteris lietuvių kalbos

- pasaulėvaizdyje: ar galime vadintis darbščiaisiais pavyduoliais, *Acta humanitariae universitatis Saulensis*. T. 8, 244–252.
- Pauža J., 2007: Формирование коммуникативных компетенций учителя в ситуациях проявления речевого этикета в разноязычной среде / Developing the Teacher's Communicative Competences in the Speech Etiquette Situations in the Multilingual Environment, *Mokytojų ugdymas / Teacher Education*, №. 7. Šiauliai, 46–61.
- Realo A., Allik J., Lönnqvist J.-E. et al., 2009: Mechanisms of the National Character Stereotype: How People in Six Neighbouring Countries of Russia Describe Themselves and the Typical Russian, *European Journal of Personality*, 23, 229–249. URL: http://www.psych.ut.ee/~jyri/en/Realo-et-al_EJP2009.pdf. (10 02 2017).
- Šerelytė R., 2006: „Blogas darbas turi būti išpirktas geru“. Į Baltosios anketos klausimus atsako rašytoja Renata Šerelytė. URL: <http://lzinios.lt/lzinios/print.php?idas=102367>. (20 02 2017).
- Šimtininkaitė G., 2012: Ar Tu laimingas? Aišku, kad ne. Juk Tu – Lietuvis, in *Sociumas*. URL: <http://sociumas.wordpress.com/2012/12/19/ar-tu-laimingas-aisku-kad-ne-juk-tu-lietuvis/#more-3231> (20 02 2017).
- Taljūnaitė M., 2006: Lietuvių tautinio tapatumo konstravimas sociologiniuose tyrimuose, *Filosofija. Sociologija*. № 2, 8–17.
- Ting-Toomey S., 1999: *Communicating Across Cultures*. New York, London.
- Zavjalova M., Ryžakova S., 2004: Lietuvių ir rusų požiūris vienu į kitus: kai kurie etnopsicholingvistinio tyrinėjimo rezultatai, *Liaudies kultūra*. № 2 (95). Vilnius, 17–27.
- Žakaitis P., 2011: Psichologiniai lietuvių etninio savitumo vertinimai, *Tiltai*, № 3. Klaipėda, 29–43.
- jurgosblogas.lt*. URL: <http://jurgosblogas.lt/wp/2014/01/ramybe-ir-santurumas-lietuviskas-stilius/>. (20 02 2017).
- kauno.diena.lt*. URL: <http://kauno.diena.lt/naujienos/sportas/kitos-sporto-sakos/lietuviskas-santurumas-pries-italiska-temperamenta-456436>. (20 02 2017).
- Lietuvos radijas*, 2004.
- manonamai.lt*. URL: <http://www.manonamai.lt/mano-sodas-ir-kiemas/darzas/kaip-tresti-agurkus-kad-derliaus-ir-kaimynas-pavydetu.d?id=68561550>. (20 02 2017).
- saviugdasmokykla.lt*. URL: <http://saviugda.blogspot.com/2013/07/kokio-vasaros-savaigtgalio-su-seima-jums.html>. (20 02 2017).
- skm.lt*. URL: <http://www.skm.lt/skm-naujienos/kitoks-gimtadienis-su-skm-kurio-pavydes-visi-sveciai> (10 10 2016).
- Spinter tyrimai 2016*. URL: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/83-proc-gyventoju-didzuojsi-esantys-lietuviai.d?id=7026748> (25 02 2017).
- Spinter tyrimai 2005*. URL: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/83-proc-gyventoju-didzuojsi-esantys-lietuviai.d?id=7026748> (25 02 2017).
- Žinynelis nepažįstantiems lietuvių*. URL: <http://lpi.lt/25406-einyndlis-nepaedyistantiems-lietuviei.html> (11 02 2017).

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Demytyev V., 2013: *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kultury: kategoriya personalnosti v leksike i pragmatike*. Moskva.
- Fanaylova E., 2015: Priklyucheniya inostrantsev v Rossii, *Radio Svoboda*. URL: <http://www.svoboda.org/a/27019461.html> (24 02 2017).
- Grigas R., 2002: Šiuolaikinio lietuvių nacionalinio būdo bruožai. Problemos apibrėžtis (Sociosofinė kritinė apžvalga), *Filosofija. Sociologija*. № 4, 9–14.
- Karasik V., 2004: *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs*. Moskva.
- Kulikova L., 2006: *Kommunikativnyy stil v mezhkulturnoy paradigme*. Krasnoyarsk.
- Larina T., 2009: *Kategoriya vezhlivosti i stil komunikatsii: Sopostavleniye anglyiskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy*. Moskva.
- Kairiūnaitė A., 2015: *Lietuviams nebūdingas draugiškumas avansu*. URL: <http://psichika.eu/blog/lietuviams-nebudingas-draugiskumas-avansu/>. (25 02 2017).
- Laučius V., 2007: *T. Venclova: "Lietuviams trūksta bajoriško tvirtumo"*. URL: <http://www.delfi.lt/news/ringas/lit/tvenclova-lietuviams-truksta-bajorisko-tvirtumo.d?id=13930573>. (25 02 2017).
- Lavaste L., 2012: *Mes. Lietuviai: vadovėlis, kaip suprasti lietuvius ir jais naudotis*. Vilnius.
- Leontovich O., 2005: *Ruskiye i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnogo obshcheniya*. Moskva.
- Lyuis R. D., 2001: *Delovyye kultury v mehdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* (1996). Per. s angl. Moskva.
- Merdok Dzh. P., 1997: *Fundamentalnyye kharakteristiki kultury*. Per. s angl., in *Antologiya issledovaniy kultury*. Tom 1. *Interpretatsiya kultury*. Sankt-Peterburg. 49–57.
- Papaurėlytė-Klovienė S., 2010: Kaimyninių šalių atstovai ir jų nacionalinio charakterio specifika lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje, *Lietuvių kalba*, № 4. URL: <http://www.lietuviukalba.lt/index.php?id=146>. (20 02 2017).
- Papaurėlytė-Klovienė S., 2009: Lietuvių nacionalinis charakteris lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje: ar galime vadintis darbščiaisiais pavyduoliais, *Acta humanitarica universitatis Saulensis*. T. 8, 244–252.
- Pauža J., 2007: Формирование коммуникативных компетенций учителя в ситуациях проявления речевого этикета в разноязычной среде / Developing the Teacher's Communicative Competences in the Speech Etiquette Situations in the Multilingual Environment, *Mokytojų ugdymas / Teacher Education*, № 7. Šiauliai, 46–61.
- Payne W., 2007: Laughing and Dancing in New York and Vilnius, *Baltic Outlook*, October/November, 72–76.
- Prokhorov Yu., Sternin I., 2006: *Ruskiye: kommunikativnoye povedeniye*. Moskva.
- Realo A., Allik J., Lönnqvist J.-E. et al., 2009: Mechanisms of the National Character Stereotype: How People in Six Neighbouring Countries of Russia Describe Themselves and the Typical Russian, *European Journal of Personality*, 23, 229–249. URL: http://www.psych.ut.ee/~jyri/en/Realo-et-al_EJP2009.pdf. (10 02 2017).

- Sergeyeva A., 2006: *Russkiye: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost*. Moskva.
- Shilikhina K., 2004: Kommunikativnaya intolerantnost v russkom obshchenii, in *Kulturnyye praktiki tolerantnosti v recevoy kommunikatsii*. Kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg, 265–272.
- Shilikhina K., 1999: *Verbalnyye sposoby modifikatsii povedeniya i emotsionalno-psikhologicheskogo sostoyaniya sobesednika v rossiyskoy i amerikanskoj kommunikativnykh kulturakh*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh.
- Sternin I., 2004a: Osnovnyye osobennosti russkoy kommunikativnoy kultury, in *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet*. Varshava, 32–55.
- Sternin I., 2004b: Problemy formirovaniya kategorii tolerantnosti v russkom komunikativnom soznanii, in *Kulturnyye praktiki tolerantnosti v recevoy kommunikatsii*. Kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg, 130–149.
- Sternin I., 2002: Russkoye kommunikativnoye soznaniye, in *Kommunikativnoye povedeniye*. Vyp. 3: *Russkoye i finskoye kommunikativnoye povedeniye*. Voronezh, 5–13.
- Šerelytė R., 2006: „Blogas darbas turi būti išpirktas geru“. Į Baltosios anketos klausimus atsako rašytoja Renata Šerelytė. URL: <http://lzinios.lt/lzinios/print.php?idas=102367>. (20 02 2017).
- Šimtininkaitė G., 2012: Ar Tu laimingas? Aišku, kad ne. Juk Tu – Lietuvis, *Sociumas*. URL: <http://sociumas.wordpress.com/2012/12/19/ar-tu-laimingas-aisku-kad-ne-juk-tu-lietuvis/#more-3231> (20 02 2017).
- Taljūnaitė M., 2006: Lietuvių tautinio tapatumo konstravimas sociologiniuose tyrimuose, *Filosofija. Sociologija*. № 2, 8–17.
- Tarasevich G., 2009: Rejting gostepriimstva, *Russkiy reporter*. URL: http://www.rusrep.ru/2009/12/news_turizm/ (22 02 2017).
- Triandis G., 2007: *Kultura i sotsialnoye povedeniye*. Per. s angl. Moskva.
- Ting-Toomey S., 1999: *Communicating Across Cultures*. New York, London.
- Zalyubovskaya E., 2003: Natsionalnyye razlichiya v neverbalnoy komunikatsii, in *Etnicheskaya psikhologiya*. Sankt-Peterburg. 243–248.
- Zavjalova M., Ryžakova S., 2004: Lietuvių ir rusų požiūris vienų į kitus: kai kurie etnopsicholingvistinio tyrinėjimo rezultatai, *Liaudies kultūra*. № 2 (95). Vilnius, 17–27.
- Zhelvis V., 2012: «Anti-Grays»: postulaty grubosti kak reguljatora kommunikativnogo povedeniya, in *Zhanry rechi*. Vyp. 8: *Pamyati Konstantina Fedorovicha Sedova. Zhanr i tvorchestvo*. Saratov; Moskva. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-8> (26 02 2017).
- Žakaitis P., 2011: Psichologiniai lietuvių etninio savitumo vertinimai, *Tiltai*, № 3. Klaipėda, 29–43.
- jurgosblogas.lt*. URL: <http://jurgosblogas.lt/wp/2014/01/ramybe-ir-santurumas-lietuiskas-stilius/>. (20 02 2017).
- kauno.diena.lt*. URL: <http://kauno.diena.lt/naujienos/sportas/kitos-sporto-sakos/lietuiskas-santurumas-pries-italiska-temperamenta-456436>. (20 02 2017).
- Lietuvos radijas*, 2004.

- manonamai.lt*. URL: <http://www.manonamai.lt/mano-sodas-ir-kiemas/darzas/kaip-tresti-agurkus-kad-derliaus-ir-kaimynas-pavydetu.d?id=68561550>. (20 02 2017).
- saviugdasmokykla.lt*. URL: <http://saviugda.blogspot.com/2013/07/kokio-vasaros-sa-vaitgalio-su-seima-jums.html>. (20 02 2017).
- skm.lt*. URL: <http://www.skm.lt/skm-naujienos/kitoks-gimtadienis-su-skm-kurio-pa-vydes-vedi-sveciai> (10 10 2016).
- Spinter tyrimai 2016*. URL: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/83-proc-gyven-toju-didziuoiasi-esantys-lietuviai.d?id=7026748> (25 02 2017).
- Spinter tyrimai 2005*. URL: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/83-proc-gyven-toju-didziuoiasi-esantys-lietuviai.d?id=7026748> (25 02 2017).
- Žinynėlis nepažįstantiems lietuvių*. URL: <http://lpi.lt/25406-einyndlis-nepaedyistan-tiems-lietuviei.html> (11 02 2017).

ALLA LIKHACHIOVA

On Certain Values and Anti-Values in Russian and Lithuanian Communicative Cultures

This article explores certain features of the Russian and Lithuanian communicative cultures and analyzes the opposite – from the axiological perspective – communicative manifestations in each of the compared cultures.

The comparison of Russian and Lithuanian communicative cultures shows that both communicative cultures are contradictory, and that the national characters of the representatives of these cultures combine paradoxical features. Communicative values that are usually assigned to Russians are openness, close contact, cordiality, emotionality, but these are accompanied by harshness, assertiveness, an aspiration to correct another's behavior and a lack of tolerance. Lithuanians value the following communicative qualities: moderateness, kindness, friendliness and a compliance to the standards of decency, but they acknowledge their communicative closedness, jealousy, pessimism, mistrust.

Discrepancies between the reflexive communicative categories (which are understood to represent the ideal or norm) and those found in everyday life (which reflect how things are in real communication) make obvious the difference between the values and anti-values in both communicative cultures.

Keywords: Russian communicative culture, Lithuanian communicative culture, communicative categories, communicative values, communicative anti-values.

ALA LICHACHIOVA

Apie kai kurias vertybes ir antivertybes rusų ir lietuvių komunikacinėse kultūrose

Straipsnyje nagrinėjamos kai kurios rusų ir lietuvių kultūrų vertybinės nuostatos ir analizuojamos aksiologinių atžvilgiu priešingos komunikacinės apraiškos kiekvienoje iš gretinamųjų kultūrų.

Rusų ir lietuvių komunikacinių kultūrų sugretinimas rodo, kad abi komunikacinės kultūros prieštaringos, o jų atstovų bendravimo modeliuose susipina paradoksali savybės.

Rusų komunikacinėms vertybėms priskiriamas atvirumas, artimas bendravimas, širdingumas, emocionalumas, tačiau juos lydi grubumas, kategoriškumas, tiesioginis reguliavimas, tolerancijos stoka. Lietuviai bendraujant vertina santūrumą, geranoriškumą, draugiškumą, padarumo normų paisymą, tačiau pripažįsta savo komunikacinį uždaramą, pavydumą, pesimizmą, nepatiklumą.

Refleksyviųjų komunikacinių kategorijų (kurios suvokiamos kaip idealios arba normatyvinės) ir būties kategorijų (kurios atspindi tai, kas bendraujant yra iš tiesų) neatitiktys objektyvina abiejose komunikacinėse kultūrose esanti skirtumą tarp vertybių ir antivertybių.

Reikšminiai žodžiai: rusų komunikacinė kultūra, lietuvių komunikacinė kultūra, komunikacinės kategorijos, komunikacinės vertybės, komunikacinės antivertybės

Поступило в редакцию: 18 апреля 2017 г.

Принято к печати: 15 июня 2017 г.

Алла Лихачева, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета.

Alla Likhachiova, PhD (Humanities), Professor of the Russian Department, Vilnius University.

Ala Lichačiova, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Rusų filologijos katedros profesorė.

E-mail: ala.lichaciova@ff.vu.lt